

Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 5 (139) Том 15 - Власть в Древней Руси и средневековом мире | Лояльность в Средние века и раннее Новое время. 2024

Княжеская власть между региональной и надрегиональной идентичностями: Житие Михаила Тверского (начало XIV в.)

Стефанович Петр Сергеевич

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В статье анализируется Житие Михаила Тверского — произведение, написанное около 1320 г. в Тверской земле и прославлявшее мученический подвиг князя, казненного в Орде. Автор задается вопросом, правителем или лидером какой общности выступал в Житии князь Михаил. Как выясняется, таких общностей агиограф указывал несколько. Князь выступал наследственным правителем Тверской земли и «царем» Русской земли, под которой имелось в виду Великое княжение Владимирское. Кроме этого, очень важно было представить князя защитником (всех) христиан. Как считает автор, разные статусы и функции князя отражали множественные идентичности русского населения, которые транслировались в Житии.

Ключевые слова: история Твери, Житие Михаила Тверского, княжеская власть, русская идентичность, локальная идентичность

Дата публикации: 15.07.2024

Источник финансирования:

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01032.

Ссылка для цитирования:

Стефанович П. С. Княжеская власть между региональной и надрегиональной идентичностями: Житие Михаила Тверского (начало XIV в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 5 (139). URL: <https://history.jes.su/s207987840031593-1-1/>. DOI: 10.18254/S207987840031593-1

¹ Политическая мысль Средневековья не могла обходиться без определения того, кем правит (или должен править) правитель, кто бы он ни был и какими бы аргументами ни пытались легитимировать его власть. В литературе средневековой Руси размышления на эту тему тоже были, хотя в виде не последовательно развитых теорий, изложенных в специальных трактатах, а высказываний книжников *ad hoc*, разбросанных там и сям, в летописях и других произведениях.

² Комментируя и осмысляя политическую практику, книжники оперировали, в основном, идеями из арсенала христианской традиции, пришедшей на Русь через Византию. Однако была одна мысль вполне автохтонного происхождения, причем очень важная и популярная в древнерусской литературе — о связи княжеской власти и Русской земли. Правящая династия Рюриковичей выступала символическим средоточием власти и всех общественных сил в Русской земле. Символическая роль династии усиливалась постольку, поскольку другим фактором и залогом существования и процветания Русской земли выставлялась христианская вера, воплощенная в единой митрополии «всея Руси».

³ На этих двух столпах — княжеской власти и церковной организации — держалась «идея единства Русской земли», как писали в советской историографии, или «миф Русской земли», как выражается современный американский историк¹. Этот миф в том или ином виде начал конструироваться уже в древнейших произведениях, созданных на Руси («Слове о законе и благодати» Илариона, текстах борисоглебского цикла, «Повести временных лет» и других), и развивался вплоть до монгольского нашествия (одно из ярких его выражений — в «Слове о погибели Русской земли», написанном, видимо, непосредственно под впечатлением нашествия). Неизменно в нем звучал призыв к князьям Рюриковичам беречь и защищать Русскую землю, жители которой подразумевались их подданными².

⁴ Батыево нашествие и установление власти монголов (а затем Орды) над Русью принесло изменения практически во все сферы жизни населения Восточной Европы, в том числе в идеологию и самосознание. Пути разных земель руси расходятся, под давлением и угрозой распада оказываются и династическое единство, и церковное. В условиях иноземного господства и усиления локальных (региональных) идентичностей общерусское сознание переживает кризис.

⁵ Житие Михаила Тверского — это фактически первый с момента монгольского нашествия текст, где предпринимается попытка обновить ту связь княжеской власти и населения, которая постулировалась мифом Русской земли. В других текстах (летописях, церковно-учительной литературе) второй половины XIII в. — первой половины XIV в. сколько-нибудь связных и пространственных рассуждений о руси (как населении) или Руси (как стране) нет. Однако эта попытка происходила в новых условиях, и миф заново пробивал себе дорогу. Он не мог не приобрести новые черты и новые акценты, и совсем не случайно, что

реть оказывается в Житии далеко не единственной общностью. Какие другие общности и солидарности появляются в тексте и в каком отношении они находятся с русской идентичностью — эта проблема в науке до сих пор не изучалась.

⁶ Житие Михаила вообще относительно поздно вошло в полноценный научный оборот. Его оригинальный вид стал ясен лишь благодаря фундаментальному текстологическому и историко-литературному исследованию В. А. Кучкина³. Был выявлен наиболее исправный список, на основе которого можно реконструировать первоначальную редакцию Жития («Пространную»), и вышла его научная публикация⁴. Тем не менее, хотя сегодня Житие считается важнейшим памятником средневековой русской литературы⁵, историки обращают на него мало внимания. Показательно, например, что в упоминавшейся выше книге Ч. Гальперина оно проигнорировано.

⁷ Сегодня мы видим противоречивые оценки идейного содержания Жития со стороны историков. В. А. Кучкин, рассматривая политические идеи этого произведения, оценивал их в традиционной парадигме «собрания» русских земель в борьбе с иноземной властью. Исследователь писал о выразившихся в нем «национальных освободительных идеях» и «национальном протесте»⁶. Между тем, у М. М. Крома такие заключения не находят поддержки, и он видит в Житии «патриотизм исключительно локального характера» (тверской)⁷. Характерно, между тем, что оба историка не задаются вопросом, в каком вообще смысле агиограф писал о руси / Руси и как соотносил с ней деятельность Михаила — тверского «отчича» и «русского князя». Задача данной статьи ответить на этот вопрос, рассматривая проблему легитимности княжеской власти в контексте взаимодействия региональной и общерусской идентичностей.

⁸ Михаил Тверской был убит в Орде 22 ноября 1318 г., а его житие было составлено, вероятно, вскоре похорон князя в Твери осенью 1319 г., но во всяком случае до 1325 г. Автором был близкий князю человек, писавший в Твери и не сомневавшийся в святости своего бывшего «господина». Имя автора нигде не указано, но по косвенным данным В. А. Кучкин атрибутирует сочинение игумену Тверского Отроча монастыря Александру, сопровождавшему князя в его последней поездке в Орду⁸.

⁹ Агиограф изображал Михаила, прежде всего, «страстотерпцем» и «воином Христовым», погибшим «за други своя» и за «отечество свое». Именно этими словами обозначен в начале Жития и в заключительной похвале смысл жертвы, принесенной святым князем. В обоих случаях цитируется Евангелие, и подвиг Михаила уподобляется деяниям апостола Павла и других святых. В предисловии к Житию сказано: «...сии крепкий умом и терпеливыи душею блаженнии и христорлюбивыи великыи князь Михаило Ярославичь свое царство, въ уметы вменивъ, остави, приять страсть нужную, положи душу свою за други своя, помня слово Господне, еже рече: “Аще кто положить душу свою за други своя”, “сеи великыи наречется въ царствии небеснемъ”»⁹. Здесь соединены в одну фразу два места из разных евангелий. Смысловый акцент сделан на известной евангельской заповеди «положить душу свою за други» (Ин. 15:13), а продолжена она цитатой с упоминанием «царства небесного» (Мф. 5:19) явно для того, чтобы

противопоставить это царство тому земному, которое Михаил, «въ уметы вменивъ (то есть “к праху приравняв”), остави».

¹⁰ В конце Жития выделяется забота Михаила об «отечестве»: «Радуися, воине Христовъ непобедимыи, но всегда побежавыи врагы, находящая [бес правды] во отечество твое. Радуися, страсотерпче Христовъ, яко проиде святое имя твое въ всю вселеную. Радуися, ею же вжеле, то и сътвори, “течение съверши, веру съблюди”, прият венецъ от всех Христа Бога, Его же моли за отечество свое» (цитируется 1Тим. 4:7)¹⁰. «Отечество» Михаил защищал от нападавших («бес правды», как добавляют некоторые списки Жития) врагов и за него молился Богу.

¹¹ Кто именно подразумевался под теми людьми, которые были «друзы своя» для Михаила и населяли его «отечество»? Житие не дает прямого ответа на этот вопрос, и в разных местах и пассажах можно найти рассуждения, как будто несколько различающиеся по смыслу.

¹² В вводной части Жития автор предваряет сообщение о рождении Михаила сравнительно пространном историческим отступлением. Начиная с явления Иисуса Христа, он излагает основные моменты распространения христианства «в последняя лета» и наравне с апостольской проповедью и учреждением Церкви важнейшим моментом этого процесса указывает крещение Руси: Бог «яви благодать свою на русскомъ языке: приведе великаго князя Володимера русскаго въ крещение. Володимеръ же, просвещень Святого Духа благодатию, введе всю землю Русскую въ крещение...»¹¹. Трижды употребленный эпитет «русский» указывает и на народ (язык), и на страну (земля), и на правителя — князя-основателя династии.

¹³ Далее, цитируя летописные поучения, автор объясняет установление власти татар над русью: за умножение грехов Бог «посла на ны казнь» — «[в] конечную пагубу преда нас в руке измаилтяном». «По великомъ жестокомъ пленении русстемъ», то есть после нашествия монголов на Русь, сформировался такой политический режим: мы, то есть русь, «оттоле начяхом дань даяти [по] татарскому языку. И егда коему князем нашим достовашеся княжение великое, хожаше князи русстии в Орду ко цареви, носящи множество имения своего»¹².

¹⁴ Характеристика Владимира как «великого князя» предполагает прямую преемственность от него к тому «княжению великому», современником которого был автор (владимирскому). Чуть ниже звеньями этой цепи указываются еще отец и дед Михаила (Ярослав Ярославич и Ярослав Всеволодич), оба, как подчеркивается, великие князья. Михаил предстает одним из «русских князей», которые владели раньше Русской землей, но теперь вынуждены подчиняться «царю» в Орде.

¹⁵ Этот исторический обзор задает общие рамки и парадигму тех событий, которые далее описываются в Житии. «Свои друзы» и «отечество» Михаила должны были, очевидно, укладываться в намеченное здесь противопоставление русского «языка», то есть народа, и татарского. Но это противостояние было не только этническим. Оно было и политическим («русские князья» vs ордынский «царь»), и религиозным: русь христианская оказывается в «плену» у «измаилтян» (язычников или мусульман). Религиозная парадигма, заданная самим экскурсом в

историю христианства, усиливалась отсылкой к распространенной в древнерусской книжности теории казней Божиих¹³.

16 Религиозное осмысление событий становится главным в дальнейшем нарративе, в целом, вполне выдержанном в агиографическом жанре. Последовательно на протяжении всего Жития развивается противопоставление религиозных общностей с акцентированными негативными оценками «поганых», угнетающих «христиан». Ярослав Всеволодич погиб «нужною смертию в Орде за крестьяны»; татары, приняв при Узбеке ислам («веру срацинскую»), «начаша не щадити рода крестьяньска»; татары «беззаконные измаилтяне», у них «скверные поганские руки» и «обычай»; Кавгадый «кровопийца», «беззаконный» и «окаянный» и даже хан Узбек «законопреступный» и «оканний» — вот лексика и оценки, которыми оперирует книжник. Этот резко антитатарский тон, помещенный в религиозный дискурс, выглядит чем-то исключительным на фоне древнерусской литературы вплоть до конца XIV в.¹⁴

17 На религиозное противостояние работает библейская модель вавилонского пленения, которую применяет агиограф для описания отношений руси и татар¹⁵. По его словам, когда хан Узбек «вниде въ богъмерьскую веру сроцинъскую», «оттоле начаша не щадити рода християньска, яко же бо о таковых рекоша царския дети в плену в Вавилоне сущии глаголаху: “Предасть ны в руце царю немилостиву, законопреступну, лукавнейшу паче всея земли”» (цитируется пророчество Даниила 3:32). Продолжая ряд исторических примеров, автор Жития подчеркивает, что в установлении власти татар над русью надо видеть не благоволение Бога первым, но наказание за грехи вторым: «егда бо Господь Титу Иерусалимъ предасть, не Тита любя, но Иерусалимъ казня. И пакы: егда Фоце Царьград преда, не Фоцю любя, но Царьград казня за людская прегрешения. Еже и сие нас деля бысть за наша съгрешения»¹⁶. Русь уподобляется Израилю и Византии с имплицитно подразумеваемой мыслью об особых отношениях Бога и избранного им народа.

18 Религиозными были и «страсть» и подвиг Михаила — как и его дед Ярослав, он погиб «за кристияны». В уста Михаила вкладывается целый ряд речей, в которых идея жертвы ради христиан обыгрывается на разные лады. Так она выражена в одной из центральных и важнейших речей князя, с которой, согласно Житию, Михаил обратился к своему духовному отцу игумену Иоанну перед тем, как отправиться на ханский суд в Орду. Князь произнес тогда «последнее исповедание на многы часы, очищая душу свою». Речь передана в Житии так: «Азь, отче, много мыслях, како бы нам пособити християномъ симъ, но моихъ ради греховъ множайшая тягота сътворяется разности. А ныне благослови мя: аще ми ся случить, пролию кровь свою за них. Да некли бы ми Господь отдал греховъ, аще сии християне сколко почиють» («Я, отче, много размышлял, как бы нам помочь христианам, но из-за грехов моих еще больше тягот случается. А ныне благослови меня: если мне придется, пролью за них свою кровь. Быть может, отпустит мне Господь грехи, если эти христиане хоть сколько-нибудь передохнут»)¹⁷.

19 В этой речи князь выражается крайне неопределенно о «християнах сих». Имея в виду вводную часть с противопоставлением руси и татар, можно было бы

думать, что имеются в виду жители Руси. Но контекст не исключает и более широкого смысла: князь готов умереть вообще за христиан, терпящих «тяготу» от татар. С другой стороны, можно предполагать и, наоборот, узкий смысл: возможно, речь шла о тех людях, которым «грехи» князя непосредственно причиняли «множаишую тяготу» — то есть жителей его собственного Тверского княжества.

²⁰ Именно такой узкий смысл просматривается в других речах Михаила, которые приводятся в Житии. Там тот круг людей, за кого отдает жизнь блаженный, очерчивается яснее и конкретнее и в гораздо более тесных границах. Ключевыми выступают как раз слова «отечество» и «свои люди», упоминавшиеся в введении и заключении к Житию, и к ним добавляется слово «(в)отчина» как синоним «отечества».

²¹ Вот так передаются речи князя и его бояр перед Бортеневской битвой (22 декабря 1317 г.), когда московский князь Юрий с Кавгадыем напали на Тверское княжество. Сначала Михаил, «призвавъ епископа своего и князи, и бояре», жалуется на Юрия: «Братие, видите, княжения отступилъ есмь брату моему молодшему и выход даль есмь. И се над темъ колико зла сътвориша в отчине моеи...»¹⁸. Под «княжением», которого «отступилъ» Михаил Юрию, имеется в виду великое княжение владимирское. И оно противопоставляется «отчине» Михаила — то есть Тверскому княжеству. О том, что именно Тверь — отчина Михаила, было сказано выше, в начале Жития: «князю же ему въ-тчине своеи в Тфери...»¹⁹.

²² Далее все призванные Михаилом подтверждают его правоту перед Юрием и выражают готовность защищать своего князя: Юрий и Кавгадый «...взяша всю волость твою, а на другой стране в отчине твоеи то же хотят сътворити. А ныне, господине, поиде противу имъ, а мы за тебя хотимъ животомъ своимъ». О Тверской земле говорится как о «волости» и «отчине» Михаила. Ответное слово князя, заключающее обмен репликами, сразу начинается именно с той евангельской цитаты, которая приводилась в введении к Житию, и выражается мысль о спасении христианского народа: «Братие, слышите, что глаголетъ святое евангелие: “иже аще кто положит душу свою за другы своя”, “велик наречетъся въ царствии небеснемъ”. Нам же не за единъ другъ, ни за два положити душа своя: селико народа въ полону, а ини избиении суть, жены же и дщери их осквернении суть от поганных, а ныне мы иже за толика народа положимъ своя душа. Да вменитъ намъ слово Господне въ спасение»²⁰. Очевидно, евангельское выражение «другы своя» князь распространяет на население своей «отчины», то есть жителей Тверской земли.

²³ Несколько ниже приводится еще одна речь Михаила к боярам, уговаривавшим его не ехать в Орду. Князь снова вспоминает евангельскую максиму, утверждая, что лучше «положити душу свою за многия душа», чем видеть, как «отчина моя вся в полону избиени будутъ». А затем агиограф от своего лица поясняет: Михаил «умысли положити душу свою за отечество, избави множество от смерти своею кровию и от многоразличных бед»²¹. Одна и та же мысль передается в разных контекстах, и слова «отчина» и «отечество» используются как синонимы, указывая на Тверское княжество. Такое употребление

этих слов видим и в других случаях, в том числе непосредственно в одном контексте, например, в сообщении о передаче завещания Михаилом своим сыновьям: «отпусти их во отечество свое, давь имъ [рядь], написавъ им грамоту, раздели имъ отчину свою»²².

²⁴ Слово «отчина» указывало на то, что Тверское княжество было наследственным владением Михаила, «отечество» подразумевало, вероятно, нечто близкое по смыслу к современным словам «отчизна» и «родина» в значении «место рождения/происхождения» («малая родина»). Именно его князь должен был беречь и защищать, и именно ради него он шел на смерть. Конечно, агиограф подчеркивал, что жертва приносилась не ради владения и имущества, а ради людей, то есть жителей княжества — это были «други», «люди», «множество», за которых князь готов был «положить душу». Со своей стороны, жители, а прежде всего, тверские бояре выступали главной опорой князя, преданной его «дружиной»²³.

²⁵ С особыми тщанием, пиететом и подробностями агиограф рассказывает о возвращении тела князя в Тверь. Нетленность тела свидетельствует о святости мученика. «Мощи святого» будут почивать в Спасском соборе Твери, охраняя его «отечество»²⁴. Как святой защитник и покровитель своего «града» Михаил уподобляется Дмитрию Солунскому²⁵. Культ Михаила в Житии конструировался как важный элемент именно тверской региональной идентичности; это должен был быть свой местный святой (таким он, в общем-то, почитается и сегодня).

²⁶ Это понимание «отчины» и «отечества» в Житии склоняют как будто к согласию с М. М. Кромом, видящим в тексте «патриотизм исключительно локального характера» (см. выше). Но все-таки эта характеристика той «ментальной карты» идентичностей, которую представляет автор Жития, является неполной и односторонней. Во-первых, она не учитывает общий контекст противостояния христианской руси и поганых татар, который был ясно очерчен в начале Жития. А во-вторых, в Житии есть и другие общности (кроме региональной тверской), в которых Михаил выступает с властными функциями.

²⁷ Кругозор автора Жития гораздо шире Тверского княжества, и есть надрегиональные институты и общности, с которыми он в том или ином смысле солидаризуется, то есть представляет своими для своего героя и себя самого. Прежде всего, и сам тверской князь, и его княжество мыслятся частями великого княжения владимирского. Разумеется, без рассказа о борьбе Михаила Тверского и московского князя Юрия Даниловича за великое княжение нельзя было объяснить собственно причины гибели первого. Но дело не только в этом. Как справедливо писал В. А. Кучкин, для автора Жития было очень важно показать «суверенный характер власти» его героя и возвысить авторитет этой власти²⁶. Михаил был не только «господин» в своей «волости» (в Твери), но и «великий князь» во Владимире, которому обязаны были подчиняться другие князья со своими «волостями».

²⁸ Великокняжеский статус Михаил получил во всех отношениях легитимно — и по «отчинному» праву наследования (его отец и дед были князьями владимирскими), и по праву «старейшинства» (он был старейший на тот

момент из потомков Всеволода «Большого Гнезда»), и по «благословению» предыдущего владимирского князя. Все три основания для властных претензий Михаила его агиограф отмечает в начале Жития, рассказывая о начале конфликта Михаила и Юрия. Важнейшим в этом смысле является сообщение о передаче власти от великого князя Андрея Александровича Михаилу: Андрей «благослови на свои столь на великое княжение сего христолюбиваго великого князя Михаила, ему же по старешиньству дошла степень великого княжения»²⁷.

²⁹ Большое значение имеет и поддержка церковной власти, и о ней тут же сообщается. Когда Юрий собрался оспаривать перед ханом «благословение», данное Андреем Михаилу, «митрополит всея Руси Максим со мною молбою браняше ему итти в Орду, глаголя: “Аз имаюся тебе съ княинею с матерью князя Михаила: чего въсхочешь изъ очины вашея, то ти дасть”»²⁸. Ниже специально в торжественном стиле говорится о «посажении» Михаила «на столе деда [и] отца своего у святей Богородици въ Володимере блаженным и преподобным Максимом митрополитом всея Руси»²⁹. Обратим внимание, что в словах митрополита, обращенных к Юрию, слово «отчина» означает уже не только Тверское княжество (как в выше приведенных примерах), но и территорию собственно Владимирского княжества («отчина ваша» — то есть территория, на которую могли претендовать и Юрий, и Михаил, очевидно, как потомки Ярослава Всеволодовича).

³⁰ Утверждению «суверенности» верховной власти Михаила служит и «царская» лексика, которую использует агиограф. Власть князя дважды в Житии прямо характеризуется с помощью слова «царство». Выше уже приводилась цитата из вводной части Жития: Михаил, сознательно выбрав путь мученичества, оставил «свое царство», словно прах³⁰. Ближе к концу, повествуя о суде и казни князя в ханской ставке, агиограф пишет, что публичные его истязания видели разные люди, «бесчисленное множество от всех языкъ», съехавшиеся в ставку. Один из них, как сказано, просил даже князя признать свою вину, чтобы прекратить такую «укоризну» и уйти домой: «а прежня, — говорил этот человек, — ты слышахом царствующаго во своеи земли; абы еси, господине, во своею землю шель (а прежде слышали, что царствовал ты в своей земле. Шел бы ты, господин, в свою землю)»³¹.

³¹ Во втором случае, в отличие от первого, слова «царствующий в своей земле» находятся не в контексте риторических восхвалений, а наглядного (реалистического) описания унижений, которые пришлось пережить князю в Орде. Под «своей землей» агиограф должен был иметь в виду конкретную территорию и соответствующее политическое образование. Едва ли тверская «волость» Михаила могла мыслиться «царством», — речь шла как раз о великом княжестве. Князь выступает, таким образом, не только и не просто тверским, а именно «великим», то есть властвующим во Владимире.

³² Однако из этого упоминания «земли», которая была «своей» для Михаила, в которой он «царствовал» как великий князь, остается неясным, как она должна была обозначаться по территории или городам, то есть в качестве политико-географического образования. Для современных историков здесь нет проблемы: исходя из столичного статуса города Владимира, они пишут о Владимиро-Суздальской земле или о великом княжении владимирском как политической

системе. Разумеется, эти обозначения — продукт кабинетной науки, они не восходят к древней терминологии. Но в Житии не говорится ни о Владимирской земле, ни о Владимире как центре земли (как говорилось о михайловой «отчине Твери» — ср. выше). Историки до сих пор не обращали внимания на то, что в тексте зато фигурирует другое территориальное обозначение — Суздальская земля.

³³ Между тем, это обозначение было наиболее употребительным в древнерусских источниках для той территории, которая к середине XII в. сформировалась вокруг трех центров — Суздаля, Ростова и Владимира — и оставалась в XIII в. под властью потомков Всеволода Юрьевича («Большого Гнезда»). Хотя вообще называть ее могли по этим всем трем городам: Ростовская земля, Владимирская и Суздальская, но чаще других до начала XIV в. использовалось именно последнее из трех названий — «Суздальская земля», — и оно было воспринято иностранцами, вступавшими в контакт с русью³².

³⁴ В Житии Михаила определение «суздальский» упоминается дважды. Когда рассказывается о конфликте Михаила и Юрия, кульминацией которого стала битва у Бортенева, сказано, что Юрий пришел «ко Тфѣри ратью, совокупя всю землю Суздальскую». Несколько позднее, когда Юрий отправился в Орду, он, согласно Житию, взял с собой «все князи суздальские и бояре из городовъ и отъ Новагорода»³³. Оба эти упоминания связаны с Юрием московским, и одно это уже заставляет сомневаться в том, что агиограф под «своей землей» Михаила имел в виду Суздальскую. При более внимательном анализе они обнаруживают явную специфику, обусловленную определенными художественными и идейными подходами автора Жития.

³⁵ Указания о «всей» земле Суздальской и «всех» суздальских князьях были явным риторическим преувеличением. В тот момент, когда происходили описываемые в Житии события, Юрий был уже великим князем владимирским, но фактически он не мог собрать ни на битву, ни потом в поездку всех князей Суздальской земли, если понимать под ней владения потомков Всеволода Юрьевича (то есть систему владимирского великого княжения). Как показывает специальное исследование межкняжеских отношений в тот момент, с Юрием в одной коалиции выступали лишь два его брата, московских князя, несколько князей незначительного Суздальского княжества (занимавшего небольшую территорию вокруг Суздаля) и, вероятно, один из младших князей ростовских. Возможно, эти указания в Житии Михаила как раз и были вызваны тем, что главным элементом коалиции Юрия были незначительные князья мелкого Суздальского княжества³⁴.

³⁶ Отгалкиваясь от реального факта участия суздальских князей в борьбе против Михаила, автор Жития в то же время явно хотел представить силы, противостоявшие его герою, мощным союзом. Этот союз был вражеским, и он выступал в Житии в негативном контексте. Его лидером был Юрий Данилович — главный соперник Михаила, представленный в Житии узурпатором, который пошел на поводу у татар, разжигавших «вражду» между князьями. Играя роль одного из антигероев в этом произведении, Юрий выступает правителем нелегитимным: он владетель не истинного «царства», а лишь какого-то

ненастоящего, фальшивого — по сути, наспех сколоченной коалиции, держащейся лишь поддержкой татар. В декорациях такого представления определение «суздальский» служит лишь условной табличкой для обозначения этого псевдо-царства.

³⁷ Из номенклатуры политико-географических названий, фигурирующих в Житии, остается только одно, которое может быть именем настоящего «царства» Михаила и «земли», бывшей для него «своей», — Русь. Этот вывод возвращает нас к тому историческому обзору, который был помещен в начале Жития и о котором шла речь выше. В основной части житийного повествования делался акцент на борьбе Михаила за тверское княжество как свое «отечество» и его мучениях во имя Христа, и это как будто уводило нарратив в сторону от темы христианской руси, развитой в ввводном обзоре (в старой литературе, еще до специального текстологического исследования всех редакций Жития, даже высказывалась мысль об инородном происхождении этого обзора, более позднем относительно основного рассказа о «страсти» Михаила³⁵). Однако внимательное прочтение Жития обнаруживает, что упоминания руси присутствуют на всем его протяжении. Они не акцентируются, присутствуют как бы само собой разумеющимся фоном, но оказывается, что этот фон далеко не случаен и даже очень важен для той идентичности, которую транслирует (или конструирует) агиограф.

³⁸ Эти упоминания можно разделить на несколько категорий. Во-первых, в тех случаях, когда говорится о митрополите Максиме, всегда приводится его титул «митрополит всея Руси». Тем самым митрополичья власть или кафедра выступает носителем той идеи христианской Руси, которая обозначена в историческом введении. Во-вторых, понятие руси имеет чисто географический смысл. Татары «отпустиша в Русь» или «на Русь» (о князьях), «бысть тягота велика в Руси», «повезоша его в Русь», «везуще по градом по русским» (о теле убитого Михаила) — в этих контекстах о Руси говорилось как о территории, отдельной от остальной территории Орды (фактически же, по контексту, о северо-восточной части древней домонгольской Русской земли). В-третьих, слово «русь» употреблялось в контексте противопоставления разных народов. Выше уже приводилась цитата о присутствии в ханской ставке во время суда над Михаилом людей «от всех язык», то есть «от всех народов». Несколько ниже, уже после описания его казни, сказано, что «двор блаженааго разграбиша русь же и татарове», «а имение русское повезоша к себе в станы» татары³⁶. Русь надо понимать здесь как один из народов, то есть в этническом смысле.

³⁹ Наконец, дважды упоминалось выражение «князья русские», использованное во введении к Житию. Один раз оно встречается в описании политики татар: «обычай бе поганых и до сего дни: вмещуци вражду между братиею, князи русскими, себе множайшая дары възимають»³⁷. По контексту имелись в виду князья «системы великого княжения владимирского», боровшиеся за великое княжение. Другое упоминание находим в кратком поучительном обращении, которое приводит агиограф сразу после сообщения о казни Михаила: «възлюблении князи русстии, не прельщайтесь суетными мира сего и века скороминующаго, иже хуждыше паучины минуеть. Ничто же бо принесосте на светъ сеи, ни отнести можете — злата и сребра или бисера многоценнаго, —

нежели градовъ и власти, о нихже какво убиство сътворися! (возлюбленные князья русские, не прельщайтесь суетою мира сего и века скоропреходящего, что быстрее паутины минует. Ничего не принесли вы на свет сей, ничего же и унести не сможете — ни золота и серебра, ни бисера драгоценного, — ни тем более городов и власти, ради которых такое убийство содеялось!)»³⁸. Само по себе это обращение происходит из летописи (оно читалось в сообщении о гибели рязанского князя Романа в 1270 г.)³⁹, но важно, что агиограф счел его уместным в своем произведении. Здесь обращение «русские князья» может быть понято сколь угодно широко в пределах всей династии Рюриковичей.

⁴⁰ Сопоставляя все эти упоминания и высказывания о Русской земле во введении к Житию, можно сформулировать то понимание руси, которое обнаруживал — где-то эксплицитно, а где-то имплицитно — агиограф. В принципе он исходил, очевидно, из широкого понимания Русской земли как всей территории, население которой хранило христианскую веру, привитую Владимиром Святым, и признавало власть «русских князей», то есть династии Рюриковичей. Вместе с тем, его реальный кругозор ограничен той Русью, в рамках которой приходилось действовать его герою, — северо-восточной. Соотнося власть Михаила с Русской землей, автор Жития фактически отождествлял последнюю с великим княжением владимирским, которым обладал князь. Понятие Русской земли тем самым суживалось, но зато власть и статус князя Михаила возвышались — он выступал не только тверским «отчичем», но и великим князем, «царствующим» в Русской земле.

⁴¹ Надо отметить, что такое «узкое» понимание Руси не было уникальной особенностью автора Жития Михаила Тверского. После Батыева нашествия с середины XIII в. и на протяжении XIV в. в летописях и других памятниках письменности северо-восточной Руси распространяется и закрепляется использование слов «русь» / «Русская земля» для характеристики не всей той территории, которая была подвластна Рюриковичам в домонгольское время, а именно северо-восточной Руси — системы великого княжения Владимирского (владений потомков Всеволода Юрьевича) и некоторых других областей, связанных с ней⁴⁰.

⁴² Попробуем, таким образом, ответить на вопрос, сформулированный в начале статьи: кем правит Михаил Тверской, согласно его Житию. Проведенное исследование показывает, что определение круга подданных князя зависит от определения идентичности агиографа, то есть с кем, с какими общностями он идентифицировал себя и своего героя. Идентичность эта оказывается не однозначной, а как бы распадается или расслаивается на разные уровни. На разных уровнях по-разному выглядят общности, признающие власть князя.

⁴³ Вне сомнения, первичной или даже, можно сказать, базовой выступает в Житии идентичность локальная (региональная). Автор Жития прямо и не один раз утверждает, что Михаил сознательно идет на «страсть» за свое «отечество», а под его «отечеством» разумеется Тверская земля. Святой князь последовательно представлен как защитник и, после смерти, небесный покровитель Тверской «волости». «Други своя», за которые, согласно евангельскому завету, можно отдать

жизнь, — это тверичи, выступающие в Житии то более узким кругом «дружины», то обобщенно как просто «люди».

⁴⁴ Однако локальная перспектива, из которой агиограф оценивает события, оказывается не единственной. Михаил выступает также носителем политической власти, утвердившейся в «русском языке». Это качество — в политической иерархии, очевидно, более высокое — он приобретает как представитель династии «русских князей» и «великий князь». Он не только живет «в Руси»; как защитник «крестьян» он — продолжатель дела Владимира, который крестил «всю землю Русскую». «Русский язык» — это все, кто живет в стране, принявшей крещение при Владимире, и кто признает власть его потомков, «русских князей»; это — мы, «род наш», как пишет автор, вспоминая татарское «пленение».

⁴⁵ Династия «русских князей» и христианская вера — это два главных крепящих элемента русской идентичности автора. Оба имеют некую, так сказать, онтологическую сущность в изложении Жития — несмотря на те или иные исторические изменения и обстоятельства они пребывают как бы изначально (с Владимира) и навсегда. Власть «татарского языка» представляется как чуждая и не касающаяся самой сущности бытия «в Руси»: внешняя с политической точки зрения, чуждая и по вере, и по «обычаям». Само использование слова «язык» в значении «народ» и упоминание особых (разумеется, лживых и жестоких) «обычаев» у татар говорит о том, что автор осознавал русь и как этнокультурную общность (а не только политическую и религиозную). Но этот аспект он не развивает теоретически, и он улавливается лишь в брошенных вскользь замечаниях в описании фактических событий.

⁴⁶ Однако именно в этом изложении фактов мы видим, что в реальности Русь, окружающая автора и его героя, гораздо меньше Русской земли, крещеной Владимиром. Эта Русь «сжалась» до северо-восточного региона: и политические события, и географические передвижения — все вращается вокруг «великого княжения» как системы отношений владими́ро-суздальских князей. Это не смущает автора, который с помощью своеобразной метонимии — по принципу *pars pro toto* — переносит черты и саму сущность «всей Русской земли» на Русь под властью великого князя владимирского. Та Русь, в которой пришлось жить и герою повествования, и его автору, оказывается как бы частным воплощением некой «идеи» Русской земли.

⁴⁷ Такой подход позволяет автору вписать деяния князя, принесшего себя в жертву ради своей «малой родины» («отчины»/«отечествия», Тверской волости), в более широкую историческую и политическую перспективу, обозначенной понятием Русской земли как «большой родины». Возможно, с современной точки зрения несколько противоречивым способом средневековый книжник добивался эффекта общерусского размаха политической фигуры, которая по масштабам своих реальных действий имела локальное значение.

⁴⁸ Можно ли сказать, какая из перспектив — локальная или русская — важнее для автора Жития? Формально, конечно, статус великого князя, который агиограф представляет общерусским, выше статуса тверского «отчича». Однако, как бы высоко ни оценивать значение великого княжения и как бы серьезно ни

воспринимать историческое введение к Житию с рассуждениями о Русской земле, нельзя также упускать из виду одно важное обстоятельство. Обращает на себя внимание тот факт, что автор Жития не вкладывает в уста самого князя никаких слов о Русской земле и вообще никакого «общерусского» подтекста в его высказываниях даже не угадывается. Это тем более удивительно, потому что в действительности, как мы знаем из достоверных источников, некие общерусские устремления или претензии отразились в использовании Михаилом Тверским титула «великий князь всея Руси»⁴¹.

⁴⁹ На мой взгляд, этот факт можно объяснить двояким образом. Во-первых, вполне возможно, что автор Жития, хорошо знавший лично князя Михаила и много общавшийся с ним, просто отражал в речах, изложенных в Житии от имени князя, те темы, которые Михаил на самом деле и обсуждал. Иными словами, агиограф вписывал деяния своего героя в некую общерусскую парадигму, а для самого героя эта парадигма в реальности была иррелевантна, и он не акцентировал свою русскую идентичность, а руководствовался больше локальной или общехристианской. В этом случае надо предполагать разрыв между действительностью и идеалом, который привлекал для ее описания книжник.

⁵⁰ Во-вторых, общий риторико-дидактический подход автора Жития имеет, прежде всего, религиозные основы и цели. Тверской книжник создавал образ князя, в целом, скорее не как величественного властителя, а «воина Христова», скромного и непритязательного в политическом плане. Во всех своих высказываниях князь выставлен смиренно принимающим только то, что ему принадлежит по праву, и не претендующим ни на что большее. Благодетель и забота о близких (круг которых не мог быть шире жителей его отчинной Твери) — вот его добродетели. Предсмертные его речи, которые князь произносит уже в ханской ставке, предчувствуя свою гибель, и пространны, и значительны по замыслу агиографа, — но в этом кульминационном моменте Жития главной темой является вопрос о грехах самого князя и его личном спасении. Здесь Михаил сравнивается со своими святыми «сродниками» — Борисом и Глебом и с Михаилом Черниговским⁴². Но смысл этого сравнения не в том, что они все выступили предстателями Русской земли, а в том, что они совершили подвиг во имя Христа, добровольно отказавшись от военно-политической борьбы (Борис и Глеб уступили старшему брату, Михаил Черниговский признал власть хана как установленную над ним самим Богом, а Михаил Тверской отказался от борьбы с Юрием московским)⁴³.

⁵¹ Какое бы объяснение ни было верным, важно в любом случае осознавать специфику Жития как произведения высокой интеллектуальной культуры, ориентированного на определенные религиозные и литературные образцы. В нем мы видим разные уровни осмысления событий — региональный (тверской), надрегиональный (русский) и конфессиональный (христианский). За ними стояли разные идентичности или, скорее, некая многоуровневая множественная идентичность⁴⁴. Насколько эта картина отражала сознание хотя бы только людей, которые появляются на страницах этого произведения (не говоря о «широких массах» «простых людей»), — отдельная проблема.

Но все-таки мы вправе предполагать определенную связь между индивидуальными высказываниями и представлениями, разделяемыми многими. Ведь идентичность отдельного человека всегда социально обусловлена и так или иначе (хотя бы и опосредованно) отсылает к тем или иным группам, коллективам и общностям (человек идентифицирует себя с ними — «род наш», как писал автор *Жития о руси*)⁴⁵. И кроме того, повторяемость и устойчивость (на протяжении столетий) примерно одних и тех же образов и идей, часто не артикулируемых специально, а выражаемых как нечто само собой разумеющееся, заставляет все же предполагать их относительно широкую распространенность. Это относится как раз к «мифу Русской земли», который нашел своеобразное выражение в *Житии Михаила Тверского*. На новом витке развития этот миф адаптировался к новым реалиям и религиозным (борьба с иноверным господством), и политическим (кто и почему должен признавать власть «русских князей»). В результате так конструировалась историческая память, привязанная не только к локальному центру, но и надрегиональной идентичности. Возможно, некоторым анахронизмом было бы употреблять слово «национальный» применительно к этой идентичности, но, как показало дальнейшее историческое развитие, патриотический идеал, заложенный в ней, имел мощную объединительную силу — в более позднее время идея Русской земли стала уже поистине национальной.

Примечания:

1. Halperin C. *The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land*. Leeds etc., 2022.
2. Слово «подданный» я употребляю в общем смысле, а не специально юридическом, осознавая, конечно, что само слово появилось в русском языке только в Новое время.
3. Кучкин В. А. *Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование*. М., 1974.
4. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // *Средневековая Русь*. М., 1999. Вып. 2. С. 116—163.
5. Ср.: Конявская Е. Л. *Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв.* М., 2007. С. 28—46.
6. Кучкин В. А. *Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование*. М., 1974. С. 3, 248.
7. Кром М. М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб., 2020. С. 54—55. Ср. также о *Житии Михаила Тверского* в курсе лекций М. М. Крома «Генеалогия русского патриотизма» (лекция 2-я). [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 28.01.2024).
8. Кучкин В. А. *Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование*. М., 1974. С. 233.
9. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // *Средневековая Русь*. М., 1999. Вып. 2. С. 126. Здесь и далее *Житие* цитируется по упрощенной орфографии с конъектурами, обоснованными текстологически с учетом вариантов по разным спискам *Жития*. Учитываются также публикация и перевод: *Житие Михаила Ярославича Тверского* / подг. текста В. И. Охотникова, С. А. Семячко, пер. и коммент. С. А. Семячко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 68—91.
10. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // *Средневековая Русь*. М., 1999. Вып. 2. С. 162—163.
11. Там же. С. 128.
12. Там же. С. 129.
13. См. об этой теории в древнерусской литературе XI—XIII вв.: Лаушкин А. В. *Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI—XIII вв.* М., 2019. С. 97—112.
14. Это подчеркивают все исследователи, занимавшиеся *Житием Михаила Тверского*: Кучкин В. А. *Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование*. М., 1974. С. 247—255; Конявская Е. Л. *Очерки по*

истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 33—40; Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV в. М., 2014. С. 113—121.

15. И эта модель тоже была распространена в древнерусской литературе: Лаушкин А. В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI—XIII вв. М., 2019. С. 163—193.

16. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 132—133.

17. Там же. С. 138—139.

18. Там же. С. 134—135.

19. Там же. С. 130.

20. Там же. С. 135—136.

21. Там же. С. 140.

22. Там же. С. 140—141.

23. Там же. С. 144, 147 и другие.

24. Там же. С. 159—162.

25. Там же. С. 140.

26. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 259—261.

27. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 130.

28. Там же. С. 131.

29. Там же. С. 132.

30. Там же. С. 126.

31. Там же. С. 150.

32. См.: Горский А. А. Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII—XIV вв. // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию упоминания Суздаля в летописях. Владимир, 2015. С. 27—32.

33. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 134, 138.

34. Городилин С. В. «Вси князи Суждальстїи»: к вопросу о составе союзников и противников князя Михаила Ярославича в конце 1317—1318 гг. Ч. II // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2020. Вып. 13. С. 75—83.

35. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 220—222.

36. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 129—130.

37. Там же. С. 131.

38. Там же. С. 157.

39. См.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 242.

40. См. подробнее: Стефанович П. С. Русь / Русская земля в северо-восточных текстах конца XII в. — начала XIV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2023. № 4 (94). С. 45—58.

41. См. об этом в несколько различающихся трактовках: Кучкин В. А. О принятии Михаилом Ярославичем Тверским и владимирскими князьями титула «великий князь всея Руси» // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси / ред. В. А. Кучкин, Е. Л. Конявская. Тверь, 2008. С. 8—21; Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019. С. 182—196 (статьи «Князь великий» и «Князь всея Руси»).

42. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 155.

43. Ср.: Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 41.

44. См. обсуждение проблемы (этнических) идентичностей применительно к Древней Руси: Стефанович П. С. Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. М., 2018. С. 467—486.

45. В этом суть самого понятия идентичности (которое не надо путать с индивидуальным самосознанием). См., например: Jenkins R. Social Identity. Abingdon, 2008.

Библиография:

1. Halperin C. The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land. Leeds etc., 2022.
2. Jenkins R. Social Identity. Abingdon, 2008.
3. Городилин С. В. «Все князи Суждальстїи»: к вопросу о составе союзников и противников князя Михаила Ярославича в конце 1317—1318 гг. Ч. I // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 180—190; Ч. II // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2020. Вып. 13. С. 68—85.
4. Горский А. А. Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII—XIV вв. // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию упоминания Суздаля в летописях. Владимир, 2015. С. 27—32.
5. Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019.
6. Житие Михаила Ярославича Тверского / подг. В. И. Охотникова, С. А. Семячко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 68—91.
7. Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007.
8. Кром М. М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб., 2020.
9. Кучкин В. А. О принятии Михаилом Ярославичем Тверским и владимирскими князьями титула «великий князь всея Руси» // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси / ред. В. А. Кучкин, Е. Л. Конявская. Тверь, 2008. С. 8—21.
10. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.
11. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 116—163.
12. Лаушкин А. В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI—XIII вв. М., 2019.
13. Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. М., 2014.

14. Стефанович П. С. Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. М., 2018. С. 467—486.
15. Стефанович П. С. Русь / Русская земля в северо-восточных текстах конца XII в. — начала XIV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2023. № 4 (94). С. 45—58.

The Princely Power Between Regional and Super-Regional Identities According to the Life of Mikhail of Tver' (Early 14th Century)

Peter Stefanovich

*Higher School of Economics
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article analyzes the Life of Mikhail of Tver' — a work written around 1320 in the Tver' land, which glorified the martyrdom of the prince executed in the Horde. The author asks the question, the ruler or leader of which community prince Mikhail acted in the Life. As he shows, the hagiographer indicated several such communities. The prince acted as the hereditary ruler of the Tver' land and the “tsar” of the Rus'ian land, by which the Great Principedom of Vladimir was meant. It was also very important to present the prince as a protector of (potentially all) Christians. According to the author, the different statuses and functions of the prince reflected the multiple identities of the Russian population, which the hagiographer conveyed in the Life.

Keywords: history of Tver, Life of Mikhail of Tver, princely power, Russian identity, local identity

Publication date: 15.07.2024

Citation link:

Stefanovich P. The Princely Power Between Regional and Super-Regional Identities According to the Life of Mikhail of Tver' (Early 14th Century) // ISTORIYA. – 2024. – V. 15. – Issue 5 (139). URL: <https://history.jes.su/s207987840031593-1-1/>. DOI: 10.18254/S207987840031593-1